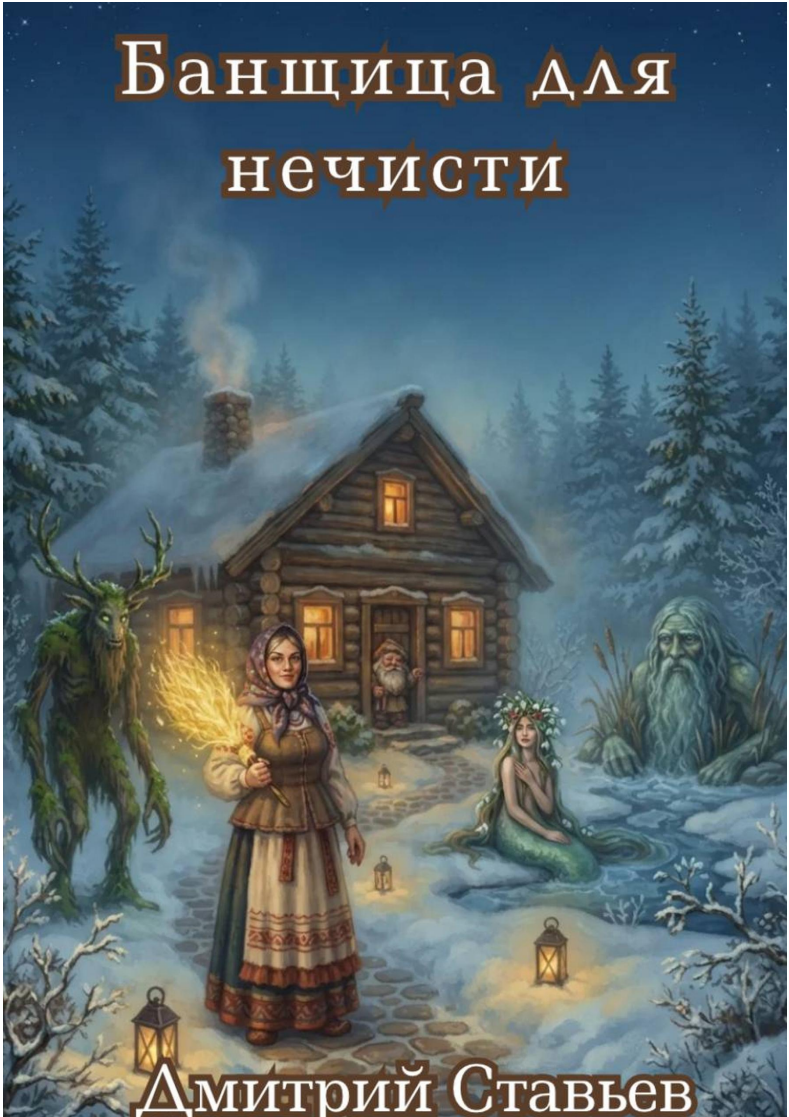
Банщица для нечисти



Дмитрий Ставьев

Дмитрий Дмитрий
Банщица для нечисти

https://litres.ru/74816728
SelfPub; 2026

Аннотация

Мастер-парильщица Марина Игнатова шагнула в ледяную купель и очнулась в холодной заброшенной бане на краю Дремучего бора. В теле двадцативосьмилетней вдовы Марьи, внучки покойной банщицы, и с настоящим банником в печке, который ворчит: «Ишь».

Деревня считает баню проклятой, староста грозит сжечь её вместе с хозяйкой, а знахарь продаёт людям «обереги» и сам не прочь, чтобы все боялись. Зато у порога выстраиваются гости из леса и реки: леший со спутанной бородой, водяной с ревматизмом, замученная кикимора, русалка с сухой чешуёй. Всем нужен хороший пар.

Но старый Договор между людьми и лесными истекает. Если его не возобновить Великой Парной, вспыхнет война. А для этого нужен золотой веник, которого никто не видел три года.

Сумеет ли банщица из другого мира помирить людей и нечисть одним паром и вернуть в Тихие Броды то, что сильнее вражды?

Содержание

Глава первая. Купель 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Дмитрий
Банщица для нечисти

БАНЩИЦА ДЛЯ НЕЧИСТИ

Попаданка-парильщица

Дмитрий Ставьев

© Дмитрий Ставьев, 2026. Все права защищены.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, местами и событиями случайно.

Оглавление

Глава первая. Купель
Глава вторая. Печь
Глава третья. Леший
Глава четвёртая. Нечистый день
Глава пятая. Сход
Глава шестая. Людской день
Глава седьмая. Дымки
Глава восьмая. Огонь
Глава девятая. Золотой веник
Глава десятая. Ночь у печи
Глава одиннадцатая. Подготовка
Глава двенадцатая. Великая Парная
Глава тринадцатая. Суд бани
Глава четырнадцатая. Банный день

Глава первая. Купель

Финал Кубка по банному парению проходил в жару такую, что у судей запотевали очки.

Марина Игнатова вышла в парную последней. Одиннадцатый заход, решающий. Зал за стеклянной дверью гудел, как улей. Судьи в белых халатах сидели в первом ряду с планшетами, а на полке, в раскалённом облаке, пахнущем дубом, мятой и мёдом, её ждал соперник: молодой, широкоплечий, бородатый парильщик из Казани, который два года подряд ходил за ней по пятам.

Она взяла два веника, дубовый и берёзовый, и встряхнула их над каменкой. Пар встал плотным столбом. Запахло так, что у неё на секунду закружилась голова: дубовая кора, прелая листва, лето. Тридцать восемь лет жизни, из них двадцать в парилках, и всё равно каждый раз то же самое: сердце гулко ударяет в рёбра, а пальцы сами находят нужное движение.

Она отпарила его так, как не парила никого. Мягкий, длинный, ровный пар. Потом короткие, резкие хлопки, от которых по комнате шёл звон. Потом тихое поглаживание веником, от которого огромный казанец расслабился и растёкся по полку, как тесто.

— Всё, — сказал он сквозь зубы. — Всё, сдаюсь.

Зал взорвался. Кто-то свистел, кто-то топал, судьи вскочи-

ли. Марина вышла из парилки в клубах пара, красная, мокрая, счастливая, и ни о чём не думала: ни о долге за ремонт печи, ни о том, что завтра надо вымыть тридцать шаек, ни о том, что в тридцать восемь лет у неё ни мужа, ни кошки.

Рядом, в глубине бани, маняще блестела купель. Ледяная вода, в которой по традиции охлаждали победителя.

Она шагнула. Вода ударила в грудь, как кулак.

«Хорошо, — подумала Марина. — Очень хорошо».

Сердце остановилось на втором вдохе.

Последняя мысль была совсем не торжественная: «Надо было отдать долг за печь».

Потом наступило холодное, густое, пахнущее прелью ничего. А потом оно сменилось запахом.

Запахи пришли по одному, как гости на поминки. Сперва плесень: сырая, въевшаяся в дерево, с горькой ноткой. Потом холодная зола, давно остывшая. Потом мышиный помёт. Потом гниющая берёста. Потом, едва заметно, что-то тёплое и живое: дрова, дым, смола.

Марина открыла глаза.

Над ней висел низкий, чёрный от копоти потолок, увитый серебристой паутиной. С балки свисали пучки сухих трав, давно превратившихся в труху. Сквозь щели в стене пробивались тонкие полосы бледного света. Она лежала на деревянной лавке, на жёстком, холодном, и под лопатками, судя по ощущениям, торчал сучок величиной с кулак.

Баня. Но не её баня. Её баня пахла вениками и мёдом, а

эта пахла забвением.

Она села. Голова закружилась и встала на место. Руки, которые она увидела перед собой, были незнакомые: тонкие, бледные, с обкусанными ногтями. На ней был серый сарафан, застиранный до дыр, на плечах серый платок, на ногах онучи и стоптанные лапти.

«Так, — сказала себе Марина. — Без паники. Сначала диагностика объекта».

Она всегда так делала, когда попадала в незнакомую баню: сперва осматривала, потом оценивала, потом решала. Это приучало мозг к порядку. Сейчас порядок был нужен как воздух.

Она встала. Ноги держали. Прошла вдоль стены, провела ладонью по брёвнам: сухие, но сырые у основания. Присела у печи. Печь была старая, русская, с каменкой, сложенной из речных валунов, и закопчённой чёрной пастью. Над каменкой висел ковш, покрытый зелёным налётом. В углу стояли кадки, давно рассохшиеся, вёдра без дна и бочка с остатками чего-то, что когда-то было водой.

Окна заросли паутиной и плесенью. Одна рама разбита, внутрь залетели листья. Над притолокой, прямо в щели между брёвнами, густой гроздью росли поганки.

— Грибы, — вслух сказала Марина. — В бане. На притолоке.

— Ишь, — раздался голос.

Она замерла.

Голос шёл из печи. Низкий, ворчливый, шершавый, как кора старого дерева. Марина медленно повернулась. Из чёрного жерла печи выглядывало лицо.

Небольшое, круглое, красноватое, со всклокоченной серой бородой, торчащей, как пакля. Глаза-бусинки блестели из-под лохматых бровей. Нос картошкой. Уши лопухами. Сам обладатель лица, судя по виду, был величиной с хорошего кота, пузатый, в рубашке из мешковины и в крошечных лаптях.

— Ты кто такая? — спросил он.

— Марина.

— Не Марья?

— Э... Марья, наверное. Тоже.

— Ишь, — повторил маленький бородач. — Что значит «тоже»?

— Это долгая история.

— У меня времени много. — Он вылез из печи целиком, отряхнулся, и из бороды посыпалась зола. — Триста лет я тут сижу. Один. Никто не топит, никто не парится, никто не говорит «с лёгким паром». Тишина, плесень и мыши. Ты первая живая за три года. И первая, кто не завизжал.

— Вы банник? — спросила Марина.

Он вытаращил глаза. Борода у него встала дыбом.

— Что?

— Банник. Хозяин бани. Ну, духовное существо, которое живёт в бане и следит за порядком. — Она поправила пла-

ток. — Я читала. И, честно говоря, всегда подозревала, что вы существуете.

Бородач молчал долго. Потом, очень медленно, снял несуществующую шапку и поклонился.

— Пахом. Банник Пахом Тишайший. Хозяин сей бани с незапамятных времён.

— Марина. Парильщица. Двадцать лет в профессии.

— А в теле двадцать восемь, — сказал Пахом, сощурившись. — Душа тридцать восемь. Я вижу.

Марина села обратно на лавку.

— Значит, вы знаете.

— Банник многое чует. — Пахом подошёл к ней вплотную, обошёл по кругу, принюхался. — Ты не Марья Тихонова. Марья умерла три дня назад. От горя, от голода, от холода. Её нашли на пороге, уже остывшую. А ты... — Он понизил голос до шёпота. — Ты пришла из-за грани. Где-то в другом месте погибла и очнулась здесь.

— В купели. Ледяной.

— Так и есть. Баня не любит, когда в ней умирают. Но и не отказывает тем, кто умер честно. — Он вдруг шмыгнул носом. — Ты чисто умерла. Я чую. Банька тебя приняла.

Она не знала, что на это ответить. Она подумала: «Значит, не сон. И не бред. Это всё всерьёз».

— Пахом, — сказала она наконец. — Что это за место?

— Тихие Броды. Деревня. На краю Дремучего бора, у реки Вьюницы. Три версты от околицы. Баня стоит на отшибе,

потому что Матрёна, прежняя хозяйка, любила тишину. — Он вздохнул. — Она умерла три года назад. С тех пор никто сюда не заходит. Люди говорят, что баня проклята.

— Почему проклята?

— Потому что я тут. И потому что гости к ней ходят. Не из деревни.

— Какие гости?

— Всякие. Лесные. Речные. Болотные. Те, кого люди зовут нечистью. — Пахом махнул рукой. — Они приходили к Матрёне раз в месяц. На нечистый день. Парились. Чайку пили. Договор у нас такой: в бане все равны. Люди, лесные, речные. Матрёна следила, чтобы никто не дрался. А когда она умерла, всё развалилось.

За стеной, далеко, раздался глухой удар. Потом ещё один. Потом гул голосов, сначала неясный, потом громче.

— Это что? — спросила Марина.

Пахом нахмурился, прислушался. Лицо у него вытянулось.

— Ох. Это они.

— Кто?

— Люди. Видать, дымок увидели. Я утром печь затопил, когда ты на полу лежала. Думал, ты помираешь, согреть хотел. А с дымком, ясное дело, весь свет сбежится.

Голоса приближались. Среди них отчётливо выделялся густой, самодовольный бас, перекрывающий остальные:

— Выходи, Марья! Знаем, что ты тут! Бесов приважива-

ешь!

— Староста, — тихо сказал Пахом. — Тихон Лютов. Скверный человек.

Дверь затряслась от удара. Снаружи потянуло дымом, смолой и запахом пота. Сквозь щели в стене Марина увидела мелькающие тени: человек двадцать, с вилами, косами, топорами.

— Выходи! — гаркнул бас. — А не то сожжём вместе с твоими бесами!

Пахом дёрнул её за подол.

— Прячься! В печь! Я их отведу!

— Нет, — сказала Марина.

— Что «нет»?

— Не прячусь. — Она отряхнула сарафан, поправила платок, глубоко вдохнула. — Сорок лет я работаю с людьми, которые приходят в баню потными, голодными и злыми. Если я не умею разговаривать с толпой, мне пора сдавать диплом.

— Какой диплом?

— Неважно.

Она подошла к двери, откинула засов и распахнула её настежь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.